

19.

Трехъ-сынъ.

Пойхалъ мужъ съ женой въ лѣсъ по грибы, съ робенкомъ; нашли много грибовъ, стали собирать да въ кучу класть, хомыжи мужу и говорить: «Сложь его подъ сосенку, а то лошадь свернетъ да его убьетъ». Они грибовъ наломали много и потеряли лошадь съ робенкомъ. Пришли домой—лошадь дома, а робенка нѣтъ. Сдѣлали они тревогу, что робенка потеряли. На утро ходилъ народъ искать; то мѣсто, гдѣ они грибы брали, нашли, а робенка нѣтъ, пропалъ. А въ этомъ дремучемъ лѣсу трудился трое труженники старицы и слышали они робчій голосъ (вѣчѣтъ). Они шли, шли, дошли и взяли его. Видать—мальчикъ. Принесли его въ свою землянку и думаютъ, какъ назвать. Одинъ говорить: «По мнѣ». Другой говорить: «По мнѣ». И третій—то же. Рѣшили они такъ: «Будь онъ Трехъ-сынъ». Корнили его, обували и одѣвали; стало ему восемнадцать лѣтъ, и думаютъ старицы: «Что намъ его въ лѣсу держать? Надо его проводить куды слѣдуетъ: онъ уже въ совершенномъ разумѣ сталъ». И говорятъ ему труженники: «Ступай вотъ по этой тропочкѣ, выйдешь куды слѣдуетъ, пойдешь путемъ дорожкой; стоитъ тамъ приваженный конь; садъ на него и поѣжай!» Трехъ-сынъ со стариками распрощался, собрался въ дорогу. Шелъ, шелъ, доходить до коня. Любо дорого посмотреть! Сѣлъ на добра коня и поѣхалъ. Ъхалъ долго ли, много ли—лежитъ на дорогѣ платочекъ отличный-хорошъ; слѣзъ съ коня, взялъ его, конь ему и говорить: «Ай! Трехъ-сынъ, не бери платочекъ: худо тебѣ будетъ!» Онъ его не послушался, положилъ находку въ карманъ и дальше поѣхалъ.

Лежитъ на дорогѣ павлины перо; онъ и на него вральстился. «Ахъ, перушко хорошо! Пописать можно чего!» Слѣзъ и поднялъ. Конь ему и говорить: «Охъ, Трехъ-сынъ, не бери его: худо будетъ!» Тотъ не слушалъ, поѣхалъ дальше и видитъ: листъ бумаги лежитъ. «Ахъ, штучка-то надобна», говорить, — «бить и ъже, письменно написать!» Конь ему и говорить: «Охъ, Трехъ-сынъ, не бери: худо будетъ!» Онъ и на этотъ разъ не послушался. Приѣзжаютъ въ городъ, прямо на царскій дворъ, и докладываютъ царю, что

желаетъ такой-то человѣкъ гдѣ бы послужить. Царь его взялъ къ себѣ, въ ученье отдалъ и спросилъ: «Какъ тебя звать?». «Я», говорить,—«Трехъ-сынъ». Отдали его на конюшню ко конюхамъ. Коня онъ своего въ поле пустилъ; занялся крѣпко коннымъ ученьемъ и сталъ за конями ходить, гладить и кормить. Царь какъ ни посмотреть, кони все чистые и гладкіе, а у прежнихъ — все пачистые и негладкіе. Вотъ они (прежніи-то) на него крѣпко серчаютъ и думаютъ чего-нибудь на него нахвастать царю. Приходятъ они разъ къ нему и говорятъ: «Ваше царское величество, чѣмъ у насъ Трехъ-сынъ хвалится: я, говорить, знаю, отчего день красный, отчего сѣмрасный». Царь этому дѣлу повѣрилъ, призываетъ Трехъ-Сына. «Что, ты знаешь, отчего день красный и день сѣмрасный?». «Нѣту, не знаю и не говорилъ никому». «Съѣзди, дознай, а то я тебя повѣшу!». Вышелъ Трехъ-сынъ изъ городу конь въ зеленые луга и горько заплакалъ. Являе-ся передъ нимъ конь, на которомъ онъ пріѣхалъ. «Что, Трехъ-сынъ, больно плачешь?». «Какъ не плакать, добрый конь? Вышла великая бѣда». «Говорилъ я тебѣ: не бери полотенце — худо будетъ; ну, да садись, поѣдемъ». Онъ сѣлъ, да и поѣхалъ. Ыхали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, ѣдутъ дремучимъ лѣсомъ и быются дубъ объ дубъ, и проѣзжать имъ нелзя. «Куда, Трехъ-сынъ, ѣдешь? Скажешь — пропустишь». «Ѣду узнать, отчего день бываетъ красный, отчего сѣмрасный». «Эге-ге, далеко же», говорятъ, — «ты поѣхалъ... Помани объ насъ: мы стукаемся другъ объ дружку сорокъ лѣтъ, а когда будетъ намъ вѣкъ? Поѣжай дальше: тамъ скажутъ!». Трехъ-сынъ дальше поѣхалъ. Ыхали, ѣхали много ли, мало ли, доѣхали до дѣвки. Дѣвка свиней пасетъ. Свины оцети-нились, не пускаютъ, хотятъ ихъ разорвать. «Куда, Трехъ-сынъ, ѣдешь?». «Да узнать, отчего день бываетъ красный, отчего сѣмрасный». «Ну, поѣжай», говоритъ дѣвка, — «помани обо мнѣ: я пасу сорокъ лѣтъ; еще долго ли буду пасты? Поѣжай, гдѣ солнышко садится; тамъ дѣушки прядутъ, прялки на небо кладутъ. У Солнышка есть сестра; Солнышко садеть, все ей расскажетъ». Пріѣхалъ онъ туда; приходитъ къ Солнышковой сестрѣ, сталъ ее спрашивать; она стала ему сказывать: «Не знаю», говорить, — «а вотъ Солнышко придетъ, садеть — я спрошу». «Да еще спроси: ѣхалъ я путемъ лѣсомъ — быются дубъ объ дубъ сорокъ лѣтъ; когда имъ бу-

дети смѣна? Да еще дѣвка свиней пасетъ тоже сорокъ лѣтъ, и остави ей нѣтъ». «Хорошо, спрошу. Куда же мнѣ тебя дѣтъ, спрятать; а то оно тебя найдетъ, сожметъ». И выла его въ сундукъ заперла. Солнышко сѣло и слушаетъ: «Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто набудь есть у тебя?» «И-я, Красное Солнышко, ты по вольному свѣту ходишь, русскаго духу навмѣлся. У меня никого нѣтъ. Расскажи-ка: въ дремучемъ лѣсу два дуба сорокъ лѣтъ быются, кто ихъ смѣнать?» «Трехъ-сынъ пройдетъ, смѣнать». «Почему онъ двоихъ смѣнать?» «А вотъ почему: что онъ пройдетъ перва до дѣвки; станетъ она его спрашивать, поминать ли обо мнѣ; если онъ сорокъ саженъ пройдетъ дальше за нее, да скажетъ, кто смѣнать, то синиы его не догонять. И дубы—все равно». «А отчего день красный, отчего сѣмрасный?» «А вотъ отчего: морская есть за тридцать земель богородица (sic); выходитъ она за русскаго царя замужъ. Когда она въ морѣ сидитъ—красный день бывать, когда наружу выходитъ—тотъ день сѣмрасный».

Пришло время Солнцу опять на свое мѣсто востодть; пошло онъ, куда слѣдуетъ; а Трехъ-сынъ, разузнавши дѣло, сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ. Доѣхалъ до дѣвки, она и спрашиваетъ: «Что, Трехъ-сынъ, поминать ли обо мнѣ? Говори, а то не пропущу!» «Расскажу», говорить, — «пропусти только меня за сорокъ саженъ!» Свиньи отъ дороги отошли; онъ отѣхалъ на сорокъ саженъ и говорить: «Трехъ-сынъ тебя смѣнать!». Ударилъ коня и полетѣлъ. Синиы гнались, гнались и не догнали. Приѣхалъ къ дубамъ, тѣ опять спрашиваютъ; онъ имъ и говорить: «Скажу, только пустите меня за сорокъ саженъ». Сорокъ саженъ проѣхалъ и говорить: «Трехъ-сынъ смѣнать!». Ударилъ своего коня и полетѣлъ. Дубы вырались съ корнемъ вонъ найда за нимъ кузиркомъ. Гнались, гнались, а не догнали. Приѣзжаетъ Трехъ-сынъ къ царю во дворецъ, сталъ ему рассказывать, отчего день красный, отчего сѣмрасный, кони опять пустилъ въ зеленые луга, а самъ на конюшню поступилъ. Два дня проходитъ, конюхи опять думаютъ какъ бы на него наѣзастать; приходятъ къ царю и говорить: «Трехъ-сынъ хочетъ достать морскую богородицу!» Принимаетъ царь Трехъ-сына. «Ты хвалишься, что можешь достать морскую богородицу?» «Знать ничего не знаю». «Если не послужишь мнѣ эту службу, сейчасъ повѣшу!» Трехъ-сынъ опять пошелъ

въ зеленые луга; ходить и плачѣть. Конь является къ нему. «Что больно плачешь?» «Да вотъ, конѣчекъ, посылаетъ меня царь достать морскую богородицу». «Говорилъ я тебѣ: не бери павленные перо—худо будетъ. Ну поди стоди къ царю и скажи сорокъ паръ башмаковъ!» Трехъ-сынъ пошелъ къ царю, приказалъ написать сорокъ паръ башмаковъ. У царя около одной ночи все посетило. Башмаки Трехъ-сынъ собралъ и въ сумочку положилъ. Сѣлъ и поѣхалъ. Ѣхалъ горами, долами, темными лѣсами; уѣхалъ за тридевять земель въ десятое царство, подѣхалъ къ синему морю и завелъ базаръ: сталъ башмаками торговать. Конь ему и говорить: «Мотри, не плошай! Скоро она къ тебѣ выйдетъ, будетъ башмаки покупать, а я буду въ оврагѣ лежать. Какъ она будетъ башмаки торговать, ты тутъ ее лови и меня кричи!» Вотъ онъ раскидалъ товаръ и торгуется, одинъ разъединилъ. Выходитъ морская богородица; стала башмаки торговать, онъ ее цопъ да цопъ! «Конѣчекъ, сюда! Топерь она моя!» Конѣчекъ подбѣжалъ, въ мѣшокъ ее засовалъ. Товаръ побросали и поѣхали. Приѣхаютъ къ царю. Такъ радъ былъ ей царь, бѣда! Хотѣтъ онъ съ ней обѣнчаться, а морская богородица и говорить: «Я съ тобой вѣнчаться не могу: у меня нѣтъ подвѣнчнаго перстня: у меня перстень въ морѣ. Тамъ есть камень, подъ камнемъ сундукъ, въ сундукѣ—перстень. Достань, тогда повѣнчаюсь». Царь думать: кого посылать? Опять Трехъ-сына. «Поѣхай, доставай и перстень!» Онъ горько заплакалъ: «Я не могу достать». «Сейчасъ поѣхашу, если не поѣдешь!» Пошелъ Трехъ-сынъ въ зеленые луга и ходить, горько плачѣть. Является конѣкъ. «О чемъ плачешь?» «Какъ мнѣ не плакать? Царь велѣлъ мнѣ изъ моря перстень достать». «Говорилъ я тебѣ: не бери ластъ бумаги—худо будетъ, ну да садись на меня, поѣдемъ!» Поѣхали на море; конѣкъ и говорить: «На берегу рыбакъ сидитъ; поди сядь за него, чтобъ онъ тебя увидалъ. Онъ первую рыбку выудитъ, на берегъ выкинетъ—весь годъ ей ситъ; ты ее возьми, да и не отдавай ему. Достань мнѣ, скажи, перстень морской богородицы, тогда рыбку отдамъ!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Помагалъ рыбаку рыбку, онъ велѣлъ ее да и не отдастъ: «Достань изъ моря перстень, тогда отдамъ!» Рыбакъ бултыхъ въ море, поднулъ камень и досталъ перстень. Трехъ-сынъ сѣлъ на коня и поѣхалъ назадъ. Привезъ перстень; царь встрѣтилъ его, а морская бого-

родиница и говорить: «Трехъ-сынъ, не отдавай царю перстень! Я завтра вамъ обоню вѣло въ котлахъ искупаться; тебѣ—въ смолѣ, а ему—въ молокѣ, въ бѣломъ кипятилѣ!...» Повелъ Трехъ-сынъ конька въ зеленые луга. Конь и говорить: «Ну, Трехъ-сынъ, завтра на тебя бѣда! Не забудь меня. Вудешь купаться въ смолѣ, а царь — въ молокѣ, только вскричи: О, гдѣ мой добрый конь? Рае прѣщуся съ тобой: пришею въ котелъ правую ноздрей—вылетитъ вся смола; изъ лѣвой ноздри пушу дыму—не увидать никто».

На утро подвѣсили котли и наклали подъ нихъ дровъ, вскипятили смолы и молока. «Ну, женихи, купайтесь въ котлахъ! Кто искупается, тотъ мой мужъ!» Трехъ-сынъ и говорить: «Ваше царское величество, искупайтесь прежде, а мнѣ не вѣдн». Морская богородица и говорить: «А кто меня доставалъ, тотъ и вѣнчаться со мной будетъ». Трехъ-сынъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Ой, добрый конь, погибай!» Конь подбѣжалъ, громкимъ голосомъ варжалъ, фыркнулъ правую ноздрей—вся смола вылетѣла; изъ лѣвой ноздри дымъ пошелъ. Выкупался въ смолѣ добрый молодецъ, сталъ ни задумать, ни загадать, ни перомъ написать. Царь въ молоко махнулъ и теперь тамъ. Тутъ Трехъ-сынъ не пиво варить, не вино курить, сейчасъ да и за свадьбу. Обвѣнчали и въ палаты помчали; стали жить да быть.

(Абрамъ Новосельцевъ).

13.

Козья Шкура.

У одного царя былъ воякъ лошадей. Кобыла одна, какъ жеребиться, такъ изъ табуна вонъ выходила и приходила всегда безъ жеребенка. Подошло ей время третьимъ жеребиться; воть сынъ и просится у отца караулить кобылу. «Пусти, батюшка!» «Гдѣ тебѣ укараулить кобылу?» «А можетъ статься, и укараую». Осѣдлавъ коня и поѣхалъ въ воякъ кобылу караулить. Кобыла